

Георгий Соколов

Малая земля

*ПАМЯТИ МОИХ БОЕВЫХ ТОВАРИЩЕЙ,
ПОГИБШИХ В БОЯХ НА МАЛОЙ ЗЕМЛЕ,
ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ*

У юнги тоже сердце моряка

Вечером, когда рота была выведена из боя на короткий отдых, юнга Виктор Чаленко подвел итог боевого дня коротким, но задорным возгласом:

– Вот это да!

А что еще можно было сказать! Весь день 83-я бригада морской пехоты вела бой за поселок Мысхако, расположенный у подножья горы Колдун. Но орешек оказался крепким. Взять поселок не удалось. С наступлением темноты бой чуть затих, но не прекратился. Командир бригады оттянул с передовой несколько рот, чтобы дать матросам отдых до утра, а на рассвете снова бросить их в бой. Поселок надо взять во что бы то ни стало. И не только его, но и гору Колдун, с которой, как на ладони, виден весь плацдарм, отвоеванный десантниками. Иначе плацдарм не удержать. Это понимал не только командир бригады, но и каждый матрос.

Рота старшего лейтенанта Куницына разместилась в нескольких полуразрушенных, отбитых у немцев землянках. Ужинали «всухую» – кусок сухаря и банка тушенки на двоих. Кое у кого во флягах нашлось по несколько глотков вина «Черные глаза», которое выдали в Геленджике два дня тому назад. Остальным пришлось довольствоваться холодной водой. Но сегодня вода казалась лучше всякого вина. Весь день матросов мучала жажда. На каменном берегу не было ни ручьев ни колодцев. Лишь вечером воду доставили из рыбацкого поселка Алексино.

Спать легли поздно. Автоматы положили под головы. Мало ли что может случиться ночью. Чтобы было теплее, ложились впритирку, накрываясь плащ-палатками.

Юнга лег, не разглядев в темноте своих соседей. Спать ему не очень хотелось, он был еще под впечатлением боевого дня.

– Так говоришь – вот это да! – слышался справа насмешливый голос. – А что такое – да?

Виктор не отозвался. С Жорой Нечепурой у него не было желания вступать в разговор. И лежать рядом не хотелось.

Нечепура приподнялся на локте и полусшепотом заявил:

– Слушай, юнга, что скажу. Не лезь поперек батьки в пекло.

– Это вы о чем? – буркнул Виктор.

Он несколько неприязненно относился к Нечепуре. Для этого были основания. Нечепура появился в роте неделю тому назад. Представился так: «Жора Нечепура, родом из Одессы, местожительство, понимать надо бывшее, – эсминец «Стремительный». Играю на гитаре. К сожалению, сломал ее в госпитале на голове не очень интеллектуального интенданта во время разговора по текущему моменту. Голова оказалась тверже дерева по названию граб». Увидев юнгу, он воскликнул: «Ого, мы имеем в роте детский сад. Слушай-ка, малыш, а нагрудничек ты имеешь?» Перед десантом всем выдали новую форму – бушлаты, бескозырки, тельняшки. Виктор был в восторге – на его рост оказались и бушлат, и брюки, и ботинки. «Ну, как у меня вид?» – спросил он ребят. Туг подошел Нечепура и испортил ему настроение. «Настоящий морской дьявол, – шуря в усмешке глаза, сказал он. – Таких на картинах рисуют. Вот только ростом ты не вышел и мордочка как у девчонки. Усы бы тебе». Повернувшись к командиру роты, Нечепура стал убеждать не брать юнгу в десант: «Там ведь не будет манной каши». Командир роты тогда хорошо осадил его. Конечно, Виктора взяли в десант. Когда корабль вышел в море, Виктор опустил в кают-компанию, сел у столика и вынул записную книжку, чтобы записать свои мысли. А думал он тогда о маме. Нечепура подошел к нему и стал посмеиваться: «Никак, стишки сочиняешь? Давай, браток, пиши, в нашей роте свой поэт должен быть. С русским языком ты, надо полагать, имеешь не шапочное знакомство». Виктор рассердился и послал Жору подальше Довольно крепким матросским словечком. Нечепура удивленно моргнул и покачал головой, но ничего не сказал. Высаживались под огнем. Кругом рвались снаряды. Десантники спрыгивали на разбитый деревянный причал и торопливо сбегали на берег. Почему-то Нечепура не спускал глаз с Виктора, подбадривал, заставлял пригибаться при перебежках. Виктору так и хотелось крикнуть ему: «Не надо мне няньку, я уже обстрелянный!»

Сейчас опять этот тон няньки! Хотя бы кто-нибудь рассказал Жоре из Одессы, как воевал юнга в горах Кавказа. Ладно, он попросит это сделать замполита.

– Слушай, юнга, – продолжал между тем Нечепура, – всерьез говорю. Не вырывайся вперед. У меня сегодня сердце замирало, когда видел, как ты рискуешь.

– Вам-то что?

– Эх, дурачок, – вздохнул Нечепура. – Ты не серчай на меня... Мой братишка, такой вот, как ты, погиб под Одессой... Хороший был парнишка... Мать у тебя есть?

– Есть.

– Вот видишь... Мать думает о тебе, ночами не спит. Должен и ты думать о ней.

– Я думаю.

Виктор уже не сердился на него. Было в словах Нечепуры что-то такое душевное, домашнее. Вообще, если разобраться, этот одессит – отличный моряк. Здорово он сегодня расправился с двумя фашистами. Пикнуть не успели.

– Нам, юнга, рисковать зазря не положено. Нас Севастополь ждет. Бывал там?

– Нет.

– Эх ты, салажонок. Это же город из городов на всем черноморском берегу. Разве Одесса только получше. Хотелось бы побывать в Севастополе?

– Конечно.

– Побываешь, – с убеждением заявил Нечепура. – И моряком заправским будешь. Откуда родом?

– Ейский.

– А как попал к морякам?

– Так вот и попал. Запросто.

– Однако, братишка, пора спать.

Он быстро захрапел. А Виктор заснуть не мог. Растревожил его Нечепура. Воспоминания о матери, о детстве так и лезли в голову. Виктор закрыл глаза, и перед ним живо предстал его родной дом на тихой улице Ивановской. Одним концом улица упиралась в лиман, другим уходила в степь. То-то раздолье было ребятам. Часто бегали на лиман ловить рачков, рыбу. За лето у всех ребят носы становились облупленными. Ходили и в степь. Там зеленое безмолвие, только птицы поют. Виктор любил слушать их веселое щебетание, и был он завзятым голубятником. Утром Виктор открывал голубятню, сыпал на землю зерно. Голуби поднимались высоко в небо и вытворяли там удивительные сальто. Наблюдая за их полетами, он не раз задумывался: а можно ли такое выделывать на самолете? Сейчас он, конечно, таких вопросов не решает. Во время воздушных боев наши летчики похлеще любого голубя делали разные нырки, развороты, перевороты. Учился Виктор в школе на Пушкинской улице. Старшие братья и сестра завидовали, как легко дается ему учеба. Задачи решал за несколько минут, а потом помогал им, хотя они были старшеклассниками. Виктор мечтал окончить мореходное училище и стать капитаном сейнера. Плавал бы не только по Азовскому морю, но и по Черному. Отец Виктора был рыбаком. Умер он за несколько лет до войны, но Виктор хорошо помнит его. Однажды отец показал детям Георгиевский крест, полученный им за храбрость еще в первую империалистическую войну. А в гражданскую отец партизанил. Много пришлось пережить ему. Виктор заслушивался его рассказами. Вот только сердце отец загубил на войнах. Виктор помнит ту страшную субботу. Отец пришел с работы веселый, пообещал ребятам в воскресенье пойти с ними в кино. После обеда прилег отдохнуть и больше не встал. Врач сказал, что сердце

отказало.

Тяжело пришлось матери. Четверо детей, а сама малограмотная. Поступила на стройку чернорабочей. Носила камни, кирпичи, месила бетон. Вскоре заболела. Пришлось, не закончив учебы, идти на работу старшим братьям Николаю и Александру. Потом стала работать и сестра Ариадна.

Кто-то зажег коптилку. Юнга приподнялся и огляделся. Землянка была просторная, стены завешаны плащ-палатками. Нечепура спал на спине, по его острому лицу блуждали тени. За самодельным столиком сидели два матроса и молчаливо уплетали из банки тушенку. Виктор опять лег. И опять нахлынули воспоминания.

Мама, мама... Осталась ты одна. Братья Николай и Александр ушли на фронт в первые дни войны. Через несколько месяцев отправилась на фронт и Ариадна. Разве можно в такое время учиться? Виктор оставил школу и поступил на завод учеником токаря. Здесь, на заводе, он стал комсомольцем. Детство кончилось. Голубей пришлось раздать ребятишкам. Сменившись с работы, Виктор шел рыть окопы вокруг города. Александр воевал где-то под Керчью. Он присылал письма и вырезки из фронтовой газеты, в которых описывались его подвиги. Эх, и завидовал же Виктор своему брату!

А фронт приближался к родному городу. На окраине расположился батальон морской пехоты. Виктор быстро подружился с моряками. Его даже прозвали «помощником комбата» за то, что он сопровождал его всюду. А комбат его брал потому, что Виктор отлично знал местность. Домой он приходил усталый, запыленный и сразу ложился спать. «Поужинал бы», – говорила ему мать. А он с гордостью отвечал: «Меня в батальоне накормили».

Наверное, мать о чем-то догадывалась. Часто она молча смотрела на сына, а в глазах ее были вопросы. Однако так и не спросила ни разу. И он ничего не говорил. Но все же настал тот день, когда он вынужден был сказать. Вернее, не день, а раннее утро, когда солнце еще не взошло. В комнату вошли два матроса. «Чаленко, мы уходим», – сказал один. Это был главстаршина Воронин, веселый и красивый парень. С ним Виктор познакомился раньше, чем с другими. «Сейчас я, ребята!» – вскочил с постели Виктор и стал торопливо одеваться. Мать тоже поднялась. Она все сразу поняла. Застыв у стола, не сводила глаз с сына. Виктор подошел к ней. Дрогнувшим голосом сказал: «Мама, прости, что молчал. Ухожу с моряками. Не могу сидеть дома. Ты пойми меня». Мать тихо сказала: «Я все понимаю, Витя». Он шагнул к двери. Воронин положил ему руку на плечо и повелительно сказал: «Поцелуй мать».

Что сейчас с мамой? В Ейске фашисты. Если они узнают, что четверо ее детей на фронте, то...

От этой мысли стало не по себе. Виктор надел бескозырку и вышел из землянки.

Кругом шла стрельба, взлетали вверх ракеты. Бой не затихал и ночью.

– Чего не спишь? – спросил часовой у землянки.

– Так что-то, – упавшим голосом ответил Виктор. – Мысли разные...

– Заболел или вспомнилось что?

Виктор только вздохнул,

Впереди темной громадой высился Колдун. Он казался таинственным и неприступным. Виктор посмотрел на гору и поежился.

Откуда-то из темноты вынырнул Воронин. В руках у него было два котелка.

– Водой богаты? – спросил он у часового.

– Принесли ребята,

– Поделиться можете?

– Какой разговор.

Заметив Виктора, Воронин похлопал его по плечу. Он был выше юнги на целую голову.

– Ну как, Витек, настроение? Горячий денечек.

– Как под Шапсугской.

– Говоришь, как под Шапсугской? Пожалуй... Тогда мы три дня бились, срезая фашистский клин. На пятнадцать километров продвинулись, разгромили третью горнострелковую... Но здесь, Витек, пожалуй, погорячее будет. Видишь – впереди немцы, позади море. Хошь не хошь, а рви вперед.

– А помнишь, юнга, как ты там за водой ходил и «языка» поймал? – напомнил часовой.

– Ерунда, – пренебрежительно обронил Виктор.

Ему не очень-то было приятно вспоминать тот эпизод.

Правда, тогда его наградили орденом Красной Звезды. Но он считает, что с наградой поспешили.

Тот случай немало смеху наделал в батальоне. Было это под станицей Шапсугской прошлым летом. После длительного боя рота заняла оборону на высоте. Стояла сильная жара. Всем хотелось пить. А фляги пустые. Под горой, на «ничейной» земле протекала речушка, а за ней была оборона гитлеровцев. Никто не решался спуститься к речке. Первым рискнул Виктор. Не потому, что он был самым храбрым. Просто юнга так изнемогал от жажды, что готов был на все. Взяв брезентовое ведро, Виктор осторожно, прячась за камнями, спустился к речке. Зачерпнул воды и направился обратно. И тут немцы начали стрелять с противоположного берега. Виктор упал и спрятался за камень, но воду не разлил. Лежал не двигаясь несколько минут. Три гитлеровца перебежали речушку и направились в его сторону. Он понял, что они хотят взять его в плен. Развернувшись, юнга полоснул по ним из автомата. Один гитлеровец упал, а двое бросились за речку. Тут открыли стрельбу моряки, прикрывая юнгу. С другого берега тоже

начали стрелять. Виктор схватил ведро и где ползком, где вперебежку добрался До своей обороны. В окоп он спрыгнул не перепуганный, а весьма довольный тем, что хоть полведра воды донес.

«Вот, – сказал он с заметной гордостью, – угощайтесь, ребята». Ему первому поднесли кружку воды. Напившись и отдышавшись, он стал хвастать: «Думали, глупыш перед ними. А я как дал короткой, так сразу наповал одного. Если бы остальные не драпанули, я бы им тоже...» Моряки посмеивались, только Воронин заметил: «По заднице следовало бы тебя... Полез без разрешения...» И вдруг командир батальона капитан Востриков, наблюдавший в бинокль, сказал: «А он шевелится». Виктор заявил: «Дайте мне снайперскую. Я его...» Но капитан решил по-своему. Он послал за раненым гитлеровцем несколько бойцов. Те незаметно подобрались к нему, скрутили и вскоре доставили в штаб батальона. Вид у гитлеровца был ошалелый. Моряки подняли его на смех: «Пошел по шерсть, а вернулся стриженным». Несколько часов спустя, после допроса пленного, командир батальона вызвал юнгу, пожал руку и сказал: «Молодец! Твой «язык» дал очень ценные показания. Объявляю тебе благодарность». Виктор пробовал было возражать: «Какой же он мой?» – «А чей?» – спросил капитан. «А ничей». Капитан улыбнулся. «Ничейных не бывает. Ничей – это когда сам придет». Так и записали за юнгой одного «языка», а командир бригады вручил Виктору орден Красной Звезды. А если разобраться, то за что же орден? Вот если бы он всех трех уложил или сам притащил того, кого прибил, – тогда другое дело. Нет, Виктор не может считать тот случай выдающимся в своей боевой биографии и не любил, когда о нем вспоминали.

– То было летом, – почему-то вздохнул Воронин. – Никогда бы не поверил, что в феврале так будет одолевать жажда. Веришь ли, горит все внутри.

– Чего не верить-то, – согласился часовой. – После боевого пыла всегда нутро холодного просит. Пивка бы...

– Цыц на тебя! – замахнулся на него котелком Воронин. – Говори, где вода?

– А вон там, за землянкой, шагах в тридцати отсюда домишко. Четыре ведра набрали хлопцы.

– Спасибо за ориентир. Будь здоров, Витек. Завтра поселок будет наш. Приходи ко мне. Не водой, а чаем угощу.

И Воронин исчез в темноте.

С перевала потянул холодный ветер, Виктор поежился. Ему вдруг и в самом деле захотелось чаю, горячего и по-флотски крепкого. Но где же его сейчас возьмешь?

Ладно, подождем, раз главстаршина обещал – значит, будем завтра пить чай.

– Иди, юнга, спать, – посоветовал часовой. – Исполни приказ командира роты. Приказано спать – спи.

– А если он не идет?

– А матрос должен спать про запас. Вдруг завтра не доведется.

– Убедил, – рассмеялся Виктор и пошел в землянку.

В землянке было немного теплее. Виктор подлез под плащ-палатку и прижался к Нечепуре. Сейчас уже ни о чем не думалось. И он быстро заснул.

Утром его, как и всех в землянке, разбудил гул самолетов.

– Рано пташки прилетели, – недовольно заметил Нечепура, свертывая плащ-палатку. – Песни их известные. Давай-ка, юнга, поищем щель поуже.

Землянка опустела. Девять вражеских самолетов, обогнув гору Колдун, обрушили бомбы на десантников. Неважно целили немецкие летчики. Бомбы разорвались далеко позади. Через несколько минут вторая девятка самолетов пробомбила Станичку, где воевали бригады полковников Горпищенко и Потапова.

Когда самолеты отбомбили, немцы открыли огонь из орудий и минометов. Но, видимо, они не знали точного расположения наших десантников и стреляли наугад. Снаряды рвались там, где наших не было.

Нечепура сидел в щели и спокойно крутил сигарку. Юнга выглядывал после каждого разрыва и удовлетворенно сообщал:

– Опять мимо.

Нечепура закурил. Сделав несколько затяжек, он дернул юнгу за штанину и повелительно сказал:

– Если еще раз высунешь нос, получишь затрещину. Уразумел добрый материнский совет?

Юнга нахмурился, но сел.

– И вообще заметно в тебе мальчишество, – продолжал Нечепура. – Зачем стреляные гильзы в кармане носишь?

– А я только памятные.

– Какие еще такие – памятные?

– А как убью фашиста, так откладываю гильзу.

– Счет, стало быть, так ведешь, – догадался Нечепура. – И сколько набрал?

– Одиннадцать штук.

– Солидно, – уже с уважением произнес Нечепура. – Не врешь?

– А какой смысл врать?...

Раздалась команда – сосредоточиться для атаки. Батальон развернулся веером. Рота старшего лейтенанта Куницына оказалась на левом фланге.

– Сейчас устроим этим подонкам полундру, – заверил Нечепура, расстегивая воротник и обнажая тельняшку. – Никто им не позавидует.

Но полундры не получилось. По крайней мере, до полудня. Рота, как и вчера, нарвалась на мощный огневой заслон. Несколько раз бросались моряки в атаку, но каждый раз откатывались. Пришлось залечь. Виктор оказался рядом с командиром роты. Куницын лежал за камнем, смотрел в бинокль и отчаянно ругался. Будешь ругаться. Какие-то шесть домишек преградили путь к Колдуну. В каждом сидят автоматчики. Хотя бы за один домишко зацепиться. Тогда дело пошло бы. Но не подберешься. Проклятый пулеметчик из дзота не подпускает к ним. И к дзоту не подступишься. Впереди его проволочное ограждение. Два моряка пытались подползти к нему поближе, но поплатились жизнью.

– Эх, сорокапятку бы сюда! – вырвалось у Куницына. – На прямую...

Но не было у моряков орудий. Вся надежда десантника на свой автомат и гранаты, да еще на свою храбрость и находчивость.

Виктор молча смотрел го на командира, то на дзот. Он уже наползался вволю, до семи потов, и его мучила жажда. Нечепура лежал где-то впереди у проволочного ограждения. Там и Толя Бордаков, друг закадычный. Толя не юнга, ему уже девятнадцать лет, и он двухпудовую гирию выжимает.

В полдень к Куницыну подполз его замполит Вершинин. Все лицо замполита в грязи, на подбородке кровь.

– Справа, за бугром, – заговорил он торопливо, – вторая рота захватила артиллерийскую батарею. Геройски погиб главстаршина Воронин.

Куницын повернулся к замполиту:

– Воронин?!

У Виктора екнуло сердце. Не может быть, чтобы Воронина убили. Это же геройский парень.

Вершинин рассказал, как это произошло. Моряки напоролась на проволочное ограждение, за которым находилась батарея. Под проволоку швырнули несколько гранат, но ограждение уцелело. Тогда Воронин, ловко маскируясь, подобрался к проволоке в том месте, где она ближе всего подходила к орудиям. Поднявшись во весь рост, он метнул противотанковую гранату и вслед за раздавшимся взрывом набросил шинель на колючую проволоку и стал перелезать. И тут его подкосила вражеская пуля. Он повис на проволоке. Но уже ничто не могло остановить моряков. Они по примеру Воронина набрасывали на ограждение шинели и бросались на батарею. В рукопашном бою рота уничтожила всю артиллерийскую прислугу.

Куницын выслушал рассказ замполита молча, покусывая сухую ветку. А Виктор смотрел на Вершинина округлившимися глазами.

– Не может быть! – вырвалось у него.

Вершинин тихо провел по его спине рукой и ничего не ответил. Он знал привязанность Виктора к главстаршине. Знал он и то, что в таких случаях слово плохой утешитель.

- Поползу, расскажу ребятам, – сказал Вершинин.
- Ты осторожней, Саша, – предупредил его Куницын.
- Ничего не случится.

Он пополз налево. Куницын проводил его глазами. Командир роты и его замполит были одногодками, обоих звали Александрями. Оба были белобровыми, светловолосыми, да и роста одинакового. Только Куницын пошире в плечах. Типичные русаки. Но Виктор почему-то больше привязался к замполиту Вершинину. Куницын, вообще-то общительный по натуре, держался в роте несколько строговато, как и подобает командиру. Ну, а политрук был заводилой, душой роты.

Виктор хотел ползти за Вершининым, но Куницын остановил его:

- Нечего зря под пулями...

Знал бы командир, что не может он лежать спокойно. Не может – и все. Гады убивают его друзей, а он будет прохлаждаться тут!

- Товарищ старший лейтенант, помните, как под Шапсугской Воронин сказал: «Нас мало, но мы в тельняшках».
- Помню.
- Давайте рванем.
- Лежи уж...

Виктор нахмурился и замолчал. Слово командира есть приказ. Он стал думать о Воронине. Не может быть, чтобы такого моряка убили. Его, наверное, только ранили. После боя Виктор пойдет его проведать. Главстаршина, конечно, скажет: «Не повезло малость, юнга, продырявили меня. Но на то война. Заштопают в госпитале – и вернусь. В Ейск заедем к твоей матери. Пусть не волнуется старая. Я перед ней в ответе за тебя».

Размышления Виктора прервал голос командира, призывавшего к атаке. Из воронок, ям, из-за камней выскочили моряки и с криком «полундра» бросились в атаку. И опять проклятый пулеметчик прижал их к земле. Несколько человек упали сраженными.

Юнга больно ударился коленом о камень. Боль быстро прошла, но злость осталась.

Такая злость приходит к бойцу в разгар боя, когда он видит смерть своих боевых друзей, яростное сопротивление врага, когда сам устал до одури.

Он вынул из кармана гранату Ф-1, сжал в руке. Моряки любят эти круглые, увесистые гранаты в чугунной оболочке. Их удобно носить в карманах, легко бросать, а убойная сила этого «шарика» велика.

– Ты что? – спросил командир роты, увидев в руке юнги гранату.

– Я покажу этим гадам, – с яростью произнес Виктор.

– Лежи и не рыпайся.

– Я придумал, товарищ командир. Я подползу сбоку, вон с той стороны. Там проволочное ограждение подходит близко к дзоту.

И он пополз, извиваясь среди камней.

– Назад, юнга! – крикнул Куницын, сразу сообразив, какое рискованное дело задумал Виктор. – Без тебя...

Юнга повернулся к нему и убежденно заявил:

– Имейте в виду, товарищ старший лейтенант, что у юнги тоже сердце моряка.

И он опять пополз. Куницын хотел крикнуть ему: «Я приказываю!», но не крикнул, поняв, что сейчас приказывать бессмысленно.

Вскоре Виктор исчез из виду, словно растворился среди камней. А Куницын, прикусив губы, все смотрел и смотрел в ту сторону, куда он уполз. «Что ж, на то и война, – успокаивал себя командир роты. – Может быть, все обойдется благополучно. Надо верить...»

Он сейчас только понял, что любит этого парнишку. Впрочем, он знал это и раньше, но не хотел в этом признаться себе. Полюбил его еще летом прошлого года, когда моряки дрались на улицах Новороссийска. В уличных боях Виктор добыл трофейный автомат. Этот парнишка из Ейска оказался прирожденным разведчиком. После того как наши войска оставили Новороссийск, моряки заняли оборону на Кабардинском перевале. Там в роту пришел комиссар бригады Монастырский. Он спросил Виктора, как дела. Виктор ответил: «Лучше всех. У меня есть предложение, товарищ комиссар. В моем вещмешке находится домашняя одежда. Могу переодеться и пойти в разведку. Как понадобится разведчик, имейте в виду меня». Комиссар обнял паренька, сказал: «Хорошо, будем иметь в виду». Вид у Виктора был невзрачный. Сам невысокий, худенький, а брюки и гимнастерка со взрослого висели на нем мешком. На ногах не по размеру сапоги. Комиссар с укоризной заметил командиру роты: «На кого он похож? Оденьте получше своего питомца...»

Куницын поднес к глазам бинокль. Пулеметчик из дзота стрелял куда-то вправо. «Неужели заметили юнгу», – обеспокоенно подумал командир роты. И тут он увидел Виктора. От дзота его отделяли не более двадцати шагов. Пулеметчик стрелял по Виктору, но пули пролетали над его головой. «Да он вышел из сектора обстрела! Молодец!» –

похвалил Куницын. Вот Виктор приподнялся и метнул гранату. И как только она взорвалась, Куницын вскочил и крикнул:

– В атаку!

Он увидел, как Виктор опять поднялся и бросил вторую гранату. И в этот миг в нескольких шагах от Виктора вырос Нечепура.

Пулемет замолчал. Моряки преодолели проволочное ограждение и бросились к домам, в которых засели автоматчики. Виктор повернулся, хотел призывно махнуть рукой, как вдруг сильный удар в грудь опрокинул его навзничь.

Он хотел вскочить, но перед ним все закружилось, в глазах замелькали радужные круги, а в груди словно запылал огонь.

Над ним склонился Нечепура.

– Зацепило, юнга? Эх, говорил тебе – не лезь поперед батьки... Я же такой план имел... Эй, санинструктор, перевяжи юнгу! Я, Виктор, скоро вернусь. Укокошу несколько гадюк и вернусь. Поселок, считай, наш...

Но Виктор уже ничего не слышал. Он был мертв.

К вечеру бой затих. Моряки заняли поселок совхоза «Мысхако» и одну сопку Колдуна. Утром предстоял бой за остальные высоты. А было их немало – семь.

После боя Куницын и Вершинин разыскали Виктора. Юнга лежал на спине, его правая рука была прижата к груди. Кто-то закрыл его лицо бескозыркой.

Вершинин опустился на колени, поцеловал холодные губы юнги и тихо произнес:

– Прощай, Витек...

Взяв его на руки, он зашагал к берегу моря, где была вырыта братская могила. Куницын поднял автомат и бескозырку юнги.

Их положили рядом – юнгу Виктора Чаленко и главстаршину Воронина. Над могилой прозвучал залп из автоматов – прощальный салют.

После похорон Вершинин отошел от могилы к берегу и опустился на камень. К нему подошел и подсел Нечепура. Они завернули по большой сигарке и долго курили молча, устремив взгляды на море.

Потом Нечепура глухо произнес, не поворачивая головы:

– Какой человек вырос бы...

Вершинин ничего не сказал. Он швырнул окурок и, сутулясь, пошел в поселок.

Войдя в дом, он вынул из полевой сумки документы Чаленко. Их было немного – краснофлотская книжка, комсомольский билет и серенький самодельный блокнот. Вершинин вспомнил, как перед десантом юнга сшивал суровой ниткой тетрадные листы. Вспомнилась кают-компания на катере в ночь высадки десанта. Виктор сидел за столиком и что-то писал.

Придвинув поближе коптилку, замполит развернул блокнот. На первой странице крупными буквами было написано:

«Если погибну в борьбе за рабочее дело, прошу политрука Вершинина и ст. лейтенанта Куницына зайти ко мне домой в г. Ейск и рассказать моей матери, что сын ее погиб за освобождение родины. Прошу мой комсомольский билет, орден, этот блокнот и бескозырку передать ей. Пусть хранит и вспоминает своего сына-матроса. Город Ейск, Ивановская, 35, Чаленко Таисии Ефимовне. Моряк, от роду 15 лет, Чаленко Виктор».

На другой странице написано только два слова: «Луна. Ночью».

Запись на третьей странице: «Самый хороший друг в моей жизни Бордаков Анатолий Остапович. Отец – политрук Александр Степанович».

На обложке блокнота записано: «Орден Красной Звезды 14925932».

Закрыв блокнот, замполит несколько минут сидел в задумчивости. Потом протянул блокнот Куницыну. Тот прочел и сказал:

– Обязательно зайдём. Его бескозырка у меня. Сохраню...

Не довелось Куницыну и Вершинину зайти к матери Виктора. В апрельских боях они оба были убиты. Погиб и Нечепура. И вообще в роте осталось мало моряков, кто знал Виктора.

Но все же какие-то моряки, когда освободили Ейск, принесли матери блокнот и бескозырку. Они не назвали свои фамилии, а Таисия Ефимовна была в такой горе, что забыла их спросить, кто они такие. Помнит лишь, что приходили двое.

Над кроватью матери висит большой портрет Виктора. Он сфотографирован в начале войны. У него на голове шапка-кубанка. Из-под нее выбился пышный чуб русских волос. Серые глаза смотрят на мир смело и весело.

Есть в Ейске школа имени Виктора Чаленко. Есть пионерские отряды, носящие его имя. Живёт юнга в сердцах таких же смелых ребят, каким был сам.

А в бригаде, как память, осталась песня, неизвестно кем сочиненная:

Матросы с линкоров, из разных флотилий

Воюют на суше в пехотном строю,

И сотни вчера не известных фамилий
Сдружились со славой, рожденной в бою.
Бригада по праву орлами гордится
С простой и бесстрашной матросской душой.
Их много – Воронин, Гулиев, Куницын
И Витя Чаленко – орленок-герой!
Пусть громко звучит наша клятва святая:
– У Новороссийска победа грядет!
Послушай, Чаленко, фашистов сметая,
Морская пехота в атаку идет!

Публикуется по: Соколов Г. Малая земля. – Краснодар: Кн. изд-во, 1953.